

На правах рукописи

Ромашева Жанагуль Жумабековна

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ЭМИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК КАЗАХСТАНСКОЙ И
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология
(психологические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» на кафедре этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования

**Научный
руководитель:**

Гриценко Валентина Васильевна

доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

**Официальные
оппоненты:**

Шамионов Раиль Мунирович

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Татарко Александр Николаевич

доктор психологических наук, профессор департамента психологии, директор Центра социокультурных исследований НИУ «Высшая школа экономики»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Защита состоится «02» октября 2025 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 33.2.012.02, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» по адресу: 127051, Москва, ул. Сретенка 29, в зале заседаний диссертационного совета, ауд. 220. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГППУ и на сайте: <https://mgppu.ru/project/555/news/15809>

Автореферат разослан «04» июля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 33.2.012.02
кандидат психологических наук, доцент

Петров В.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В эпоху глобализации и мировой интеграции наблюдается увеличение эмиграционной активности молодежи. Так, в 2019 г. доля молодежи от 20 до 30 лет среди 272 млн. международных мигрантов составляла около 30 % (М. McAuliffe, В. Khadria, 2020). Чаще всего за пределы родной страны выезжают образованные, квалифицированные и компетентные молодые люди (А.А. Байков и др., 2018; Б.Н. Бокаев и др. 2019; Г.К. Курманова и др. 2021; С.В. Рязанцев и др., 2020; А. Abdelwahed, et al., 2020; В. Gajdošová, О. Orosová, 2019 и др.), что приводит к потере человеческого капитала, отражающейся на благосостоянии общества и будущем развитии любой страны. Большая направленность на эмиграцию людей молодого возраста по сравнению с людьми взрослого возраста объясняется социально-психологическими характеристиками молодежи: гибкостью, высокой мобильностью и приспособляемостью, отсутствием брака и семьи (Т.Б. Калиев, 2018; Н.П. Нарбут, И.В. Троцук, 2018; Е.В. Селезнева, И. Галлере, 2019 и др.).

В то же время прослеживается недостаточная изученность подготовительной стадии территориального перемещения людей (Л.Л. Рыбаковский, 2016, 2019), в частности, эмиграционных установок, которые предсказывают дальнейшее поведение потенциальных мигрантов в отношении переезда за границу (С.А. Кузнецова и др., 2014; С.А. Кузнецова, 2017, 2018; S. Migali, M. Scipioni, 2019 и др.). Высокая прогностическая сила установки к эмиграции побуждает ученых к ее всестороннему изучению, что невозможно без исследования факторов ее возникновения. В качестве основных факторов развития установки к эмиграции учеными (С.А. Кузнецова, 2017, 2018; Н.В. Муращенкова, 2021; С.В. Чувашов, 2014; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018; E. Tartakovsky et al., 2017) определены ценности, психологическое или субъективное благополучие, доверие к различным институтам власти, наличие родственников или друзей за границей, готовых оказать помощь и поддержку потенциальному мигранту. Роль каждого из приведенных факторов в эмиграционной активности человека ранее рассматривалась по отдельности, без учета взаимосвязи и взаимовлияния. Кроме того, были получены противоречивые данные о степени корреляции того или иного фактора с возникновением эмиграционных установок, что побуждает нас к проведению собственного исследования ценностей, субъективного благополучия, институционального доверия, надежды на помощь близких в единой системе как факторов установок на эмиграцию.

Степень разработанности проблемы. Одни исследователи (З.Т. Абетова, 2022; А. Adebayo, О. О. Akinyemi, 2022; K. Aliyev et al., 2021; J. Brzozowski, N. Coniglio, 2021; Goebel et al., 2019; A. Laurinavičius, 2020; R. Szilágyi, B. Varga, 2017; E. Samarsky, 2020) представляют важным фактором стремлений человека к переезду за границу *снижение ощущения субъективного благополучия*, отражающееся в неудовлетворенности разными аспектами своей жизни, отсутствии ощущения счастья, в то время как другие ученые (А. Ivlevs, 2015; L. Polgreen, N. Simpson, 2011) выделяют предиктором эмиграции *повышение ощущения благополучия*, выражающееся в уверенности в собственных силах и потенциальных

доходах за границей.

Кроме субъективного благополучия важными предсказателями эмиграционной активности выступают **ценности**. Потенциальных мигрантов привлекают страны с высоким доходом, улучшенными условиями труда и жизни, в которых возможно реализовать свои материалистические ценности, достичь успеха и финансового благополучия, отражающие **метаценность «Самоутверждение»** (Н.В. Муращенкова, 2021; V. Gherheș et al., 2020; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021; С.-Н. Leong 2013; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018; E. Tartakovsky, Sh.H. Schwartz 2001; E. Tartakovsky et al., 2017).

В то же время, установлено, что задумываются об эмиграции люди, следующие преимущественно ценностям самовыражения или постматериалистическим ценностям, а люди, предпочитающие не менять свою страну проживания, следуют материалистическим ценностям (D. Fouarge et al., 2019; E. Samarsky, 2020; SOEP, 2009). В частности, люди, стремящиеся к новому опыту и переменам в жизни, чувственному наслаждению жизнью, выражающие значимость **метаценности «Открытость изменению»**, (С.В. Фролова, 2020; B. Gajdosova et al., 2020; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021) ориентированы на смену страны проживания. Однако есть исследования, где намерения к переезду молодых людей не коррелируют с метаценностью «Открытость изменению» (Н.В. Муращенкова, 2021).

Приверженность **метаценности «Сохранение»**, выражающейся в следовании нормам и традициям общества, значимости чувства безопасности, с одной стороны, удерживает людей на родине (B. Gajdošová, O. Orosová, 2019; S. Hoffman et al., 2015; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021; С.-Н. Leong, 2013; E. Tartakovsky, Sh.H. Schwartz, 2001), с другой стороны, стимулирует эмиграцию, в условиях угрозы безопасности личности и невозможности реализовать значимые для человека традиционные ценности в родной стране (E. Tartakovsky et al., 2017).

Данные исследований **метаценности «Самопреодоление»** как фактора миграционных устремлений тоже разнятся. Н.В. Муращенкова (2021) выявила, что метаценность «Самопреодоление» стимулирует возникновение эмиграционного намерения, в то время как в исследованиях других авторов важность данной метаценности удерживает людей от эмиграции (С.В. Фролова, 2020; V. Kumpikaitė-Valiūnienė et al., 2021), а Е. Тартаковский и Ш. Шварц (2001) и вовсе не обнаружили связи метаценности «Самопреодоление» с установками на смену страны проживания.

Наблюдается согласованность ученых во мнении, что **недоверие власти**, в частности, высшим эшелонам власти (П. Жигарева, 2015), выступает одним из основных предикторов направленности на переезд за границу (П. Жигарева, 2015; С.В. Чувашов, 2014; Y. Horiuchi, N. Oishi, 2022). Кроме того, недоверие властям чаще всего влияет на развитие именно **эмиграционных**, а не миграционных установок, так как ситуация в стране не изменится от переезда внутри страны, поэтому считаем необходимым исследовать данный фактор.

Чувство поддержки и **надежды на получение помощи** от близких, проживающих за границей, наряду с отсутствием тесных связей с близкими на родине или неудовлетворенностью этими взаимоотношениями (А.А. Байков и др.,

2018; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018) предопределяет возникновение установок к смене страны проживания (В.М. Пешкова, 2020; E. Bedrina, 2020; E. Piguet et al., 2022; M. Manchin, S. Orazbayev, 2018; N. Simpson, 2022). Тогда как тесные взаимоотношения с ближайшим окружением, семьей на родине и удовлетворенность ими, напротив, удерживают человека от эмиграции (О.Ю. Зотова, С.В. Мостиков, 2017; С.Г. Максимова, 2018; Е.О. Скрипник, 2010; W.A.V. Clark et al., 2015), но развитие интернет-технологий (А.З. Bakuri, D. Amoabeng, 2023), предоставляющие возможность всегда находиться на связи с родными, нивелирует влияние данного фактора на установки к эмиграции.

Такая неоднозначность полученных данных говорит о необходимости исследования проанализированных факторов эмиграционных установок в единой системе с учетом их взаимовлияния.

Социально-психологическая природа эмиграционной установки (А.А. Девяткин, 1999; Б.С. Алишев, 2010), предполагает изучение ее факторов с учетом соотношения социального и психологического в уровневой системе, отвечающее принципу многоуровневости и иерархичности системного подхода (Б.Ф. Ломов, 2003). Опираясь на теорию В.Н. Мясищева (1995), определены три уровня представленности социального в личности, на каждом из которых мы можем выделить факторы эмиграционных установок: **микроуровень** отражает отношение к самому себе и может быть представлен *субъективным благополучием*; **мезоуровень** воспроизводит отношения личности с группой и может быть представлен *институциональным доверием, надеждой на помощь близких*; **макроуровень** характеризуется отношениями, функционирующими в системе общественных взаимодействий на макросоциальном уровне, и может быть представлен *ценностями*, обусловленными культурными особенностями общества.

Соответственно, социально-психологические факторы эмиграционных установок: метаценности, институциональное доверие, надежда на помощь близких, субъективное благополучие, оказывающие взаимное влияние друг на друга, составляют единую, целостную, разноуровневую систему.

Помимо прочего, культура, отраженная в ценностях, определяет выраженность эмиграционных установок. Доказано, что европейцы, приверженные индивидуалистической культуре, в большей степени склонны к эмиграции, нежели азиаты, приверженные коллективистской культуре (А. Agadjanian et al., 2008).

Учитывая культурные особенности общества, исследование проведено среди представителей титульных наций Казахстана и России. Выбор Казахстана и России обоснован следующими причинами:

- во-первых, в обеих странах в последние годы отмечается значительное число молодых людей, намеренных сменить страну проживания, так, 42 % казахстанской молодежи в возрасте 15-29 лет (Компартия, 2020), и 38 % российской молодежи в возрасте 18-24 года, 31 % – в возрасте 25-34 года (Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2020) настроены на эмиграцию в будущем;

- во-вторых, казахи являются носителями центральноазиатской культуры, а русские – европейской, что дает основание для сравнительного анализа;

- в-третьих, несмотря на различную этническую, религиозную принадлежность в культуре казахстанцев и россиян много общих черт и Востока, и

Запада, в силу географического положения Казахстана и России между Европой и Азией, общей продолжительной истории развития.

Таким образом, в результате теоретического анализа выявлены следующие **противоречия**:

– между усилением эмиграционной активности молодежи во всем мире и недостаточной изученностью подготовительного этапа эмиграционного процесса – этапа формирования установок к эмиграции и социально-психологических факторов, способствующих и/или препятствующих их реализации;

– между имеющимися неоднозначными данными о связи эмиграционных установок с ценностями, институциональным доверием, надеждой на помощь близких, субъективным благополучием и отсутствием комплексного анализа представленных социально-психологических факторов в целостной системе с учетом их взаимовлияния;

– между высокой значимостью роли культуры, выраженной в ценностях, в прогнозировании эмиграционной активности молодежи и малоизученностью факторов эмиграционных установок в кросс-культурном контексте.

Стремление разрешить данные противоречия привели к формулировке **проблемы исследования**: каков характер взаимосвязи эмиграционных установок молодых людей, принадлежащих к разным культурам, с основными социально-психологическими факторами, рассматриваемыми в единой системе.

Цель исследования: изучить систему социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Объект исследования: социально-психологические факторы эмиграционной установки.

Предмет исследования: метаценности, институциональное доверие, надежда на помощь близких на родине и за границей, субъективное благополучие как система факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Гипотеза исследования: эмиграционные установки казахстанской и российской молодежи связаны с системой социально-психологических факторов, функционирующих на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: *на макроуровне* – метаценностями, детерминированными культурой; *на мезоуровне* – институциональным доверием и надеждой на оказание помощи близких на родине и за границей; *на микроуровне* – субъективным благополучием. При этом, совокупность предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи имеет свои особенности и обусловлена различиями в степени значимости для казахстанцев и россиян коллективистических и индивидуалистических ценностей.

Задачи исследования:

Теоретическая задача

1. Разработать теоретическую модель системы социально-психологических факторов эмиграционной установки молодежи. Определить место и роль каждого предиктора в системе социально-психологических факторов эмиграционной установки.

Методическая задача

2. Разработать программу и процедуру эмпирического сравнительного

исследования социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Эмпирические задачи

3. Эмпирически проверить теоретическую модель системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

4. Провести сравнительный анализ связей эмиграционных установок молодых казахстанцев и россиян с факторами, функционирующими на разных уровнях единой системы.

5. Определить сочетание предикторов в системе социально-психологических факторов установок к эмиграции молодых людей из Казахстана и России. Выделить специфичные и универсальные связи эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи с метаценностями, институциональным доверием и надеждой на оказание помощи близких, субъективным благополучием.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: принципы системного подхода к анализу психических явлений (Б.Г. Ананьев, В.А. Ганзен, Б.Ф. Ломов); теории личности, разработанные в трудах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А. Маслоу; экологическая концепция социальной установки А.А. Девяткина; общепсихологическая теория установки Д.Н. Узнадзе; диспозиционная концепция В.А. Ядова; диспозиционная теория личности Г. Олпорта, теория динамической установки Ф. Олпорта; подход к исследованию аттитюдов У. Томаса, Ф. Знанецкого; подход к изучению миграционных установок С.А. Кузнецовой; концепция отношений В.Н. Мясищева; теория индивидуальных ценностей Ш. Шварца; интегративная концепция субъективного благополучия Р.М. Шамянова; подход к исследованию феноменов «доверие» и «недоверие» А.Б. Купрейченко; отечественные и зарубежные исследования в области кросскультурной, этнической психологии, а также психологии миграции (В.В. Гриценко, С.Д. Гуриева, В.В. Константинов, Н.М. Лебедева, А.А. Налчаджян, А.А. Нестерова, Л.Г. Почебут, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко, В.Ю. Хотинец, Н.С. Хрусталева, J. Berry, D. Matsumoto, G. Triandis и др.).

Методы исследования:

Теоретические: методы сравнения, обобщения и классификации, концептуализации.

Эмпирические: изучение социально-психологических конструктов производилось с помощью социально-психологического опроса посредством методического инструментария, который по содержанию был идентичен для опроса как казахстанской (представлен на двух языках: русском и казахском), так и российской молодежи.

Методический инструментарий включает в себя:

1) методику, направленную на изучение эмиграционных установок «Шкала миграционных установок» С.А. Кузнецовой, И.Ю. Кузнецова, А.В. Фещенко,

модифицированную в «Шкалу эмиграционных установок»;

2) PVQ-21–ESS7 версию опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца;

3) методику диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой;

4) опросник «Уровень институционального доверия», составленный на основе анкеты исследования доверия к власти Центром стратегических инициатив (CSI);

5) вопросы, направленные на изучение степени выраженности надежды респондентов на получение помощи от близких за границей и на родине;

6) вопросы, направленные на выявление социально-демографических характеристик респондентов.

Методы обработки результатов исследования: описательные статистики, t-критерий Стьюдента, множественный регрессионный анализ, моделирование структурными уравнениями (SEM), мультигрупповой анализ моделирования структурными уравнениями. Математическая обработка данных производилась при помощи программного обеспечения программ IBM SPSS Statistics 26.00 Windows и IBM SPSS Amos 23. Для выявления согласованности утверждений опросников применялся коэффициент α -Кронбаха.

Эмпирическая база исследования: выборку исследования составили молодые люди Казахстана и России в возрасте от 17 до 35 лет. Чтобы исключить влияние культуры других этносов внутри каждой страны, мы ограничились исследованием эмиграционных установок и их факторов у представителей только титульных наций Казахстана и России, определяющих этническое большинство в указанных странах. По данным переписи населения доля казахов в Казахстане составляет 70,40 % (Перепись населения, 2021), доля русских в России – 80,85 % (Федеральная служба государственной статистики¹). В итоге, в нашем исследовании приняли участие 364 респондента казахской национальности из Казахстана (78 % девушки, средний возраст – 20,7 лет) и 396 респондентов русской национальности из России (77 % девушки, средний возраст – 20,9 лет).

Опрос был проведен онлайн, при помощи платформы Google Forms, в период с декабря 2020 г. по март 2021 г. Ссылка на прохождение опроса распространялась через электронную почту и социальные сети.

Достоверность и надежность исследования. Надежность и достоверность результатов проведенного исследования гарантируется теоретической и методологической обоснованностью использованных методов, применением валидных и надежных методик, а также методов математико-статистической обработки данных, соблюдением требований, предъявляемых к формированию выборки.

¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Научная новизна исследования:

– разработана теоретическая модель системы социально-психологических факторов эмиграционных установок молодых людей, анализируемых на трех уровнях взаимоотношений личности с социумом: *макроуровне* или культурно-общественном, представленном *метаценностями*; *мезоуровне* или групповом – *институциональным доверием, надеждой на помощь близких на родине/ за границей*; *микроуровне* или личностном – *субъективным благополучием*. Впервые указанные факторы эмиграционных установок рассматриваются в виде целостной системы и исследованы в едином комплексе с учетом их взаимовлияния;

– доказана универсальность системы факторов эмиграционных установок молодежи посредством проверки ее действия в двух этнически различных группах. Установки к эмиграции и казахской, и русской молодежи детерминированы направленностью на метаценность «Самоутверждение», недоверием институтам власти, усилением выраженности надежды на получение помощи от близких, проживающих за границей, и снижением ощущения субъективного благополучия;

– эмпирически доказано наличие особенностей сочетания (совокупности) предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи, обусловленные спецификой казахской и русской культур.

Теоретическая значимость работы состоит в:

– углублении знаний о предикции эмиграционного поведения потенциальных мигрантов за счет изучения социально-психологических факторов (ценностей, институционального доверия, надежды на помощь близких, субъективного благополучия) эмиграционных установок в единой целостной системе;

– обогащении научных представлений о социально-психологических факторах эмиграционных установок вследствие анализа метаценностей, институционального доверия, надежды на помощь близких, субъективного благополучия на трех уровнях взаимоотношений личности с социумом.

– расширении представлений о роли социокультурного контекста в формировании системы социально-психологических факторов эмиграционной установки молодежи, что может стать теоретической базой для изучения установок к эмиграции у представителей разных культур.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты можно использовать для прогноза международной мобильности молодежи, в психологической работе с потенциальными эмигрантами, при работе с сотрудниками поликультурных компаний, при разработке государственной молодежной политики, а также при составлении инструментов для психологической диагностики мотивации потенциальных эмигрантов. Материалы, отраженные в представленной работе, могут быть полезны при разработке учебных программ, включающих в себя разделы и темы по психологии миграции, межкультурной коммуникации и этнической психологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Разработанная модель системы социально-психологических факторов эмиграционных установок включает в себя: метаценности, институциональное доверие, надежду на помощь близких на родине и за границей, субъективное благополучие, оказывающие взаимное влияние друг на друга и составляющие единую, целостную, разноуровневую систему. Факторы эмиграционных установок представлены на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: **микроуровень** отражает внутриличностные отношения, определяется отношениями к самому себе и представлен *субъективным благополучием*; **мезоуровень** характеризуется отношениями личности с группой и представлен *институциональным доверием, надеждой на помощь близких* в стране проживания и за границей; **макроуровень** характеризуется отношениями, функционирующими в системе общественных взаимодействий на макросоциальном уровне и представлен *ценностями*, обусловленными культурными особенностями общества.

2. Определена универсальность системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи: эмиграционные установки и казахстанской, и российской молодежи прогнозируют: на макроуровне – усиление выраженности метаценности «Самоутверждение»; на мезоуровне – снижение уровня доверия властям и повышение выраженности надежды на получение помощи от близких, находящихся за границей; на микроуровне – ослабление ощущения субъективного благополучия. Сочетание приведенных социально-психологических факторов стимулирует возникновение эмиграционных установок молодежи независимо от их этнической принадлежности и ценностей общества, в котором молодые люди социализировались;

3. Совокупность предикторов в системе факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи имеет свои особенности:

3.1. Эмиграционные установки **казахстанской молодежи** детерминированы: на макроуровне – следованием метаценностям «Открытость изменениям», «Самоутверждение», в частности, ценностям власти, снижением значимости метаценности «Сохранение», конкретнее ослаблением приверженности ценностям традиции и конформизма; на мезоуровне – недоверием институтам власти, точнее, президенту и акиму, ожиданием получения помощи от родных и друзей, проживающих за границей; на микроуровне – субъективным благополучием, а именно, ослаблением ощущения эмоционального и гедонистического благополучия и усилением ощущения экзистенциально-деятельностного благополучия;

3.2. Эмиграционные установки **российской молодежи** детерминированы: на макроуровне – ориентацией на метаценность «Самоутверждение»; на мезоуровне – недоверием институтам власти, в частности, президенту и представителям местной власти, выраженностью надежды на содействие близких, проживающих в родной стране и за границей; на микроуровне – субъективным благополучием,

а именно, снижением ощущения эмоционального и гедонистического благополучия и повышением ощущения эго-благополучия.

4. Специфика совокупности предикторов в системе факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи, обусловлена ориентированностью казахстанской молодежи на ценности, отражающие интересы группы, а российской молодежи – на ценности, отражающие интересы индивида и группы.

Обоснование соответствия диссертации паспорту научной специальности 5.3.5. – «Социальная психология, политическая и экономическая психология».

Диссертационное исследование соответствует п. 3. «Изучение психологических характеристик социальных групп, семьи, организаций, поколений, сообществ, движений; социально-психологический анализ жизненных ситуаций»; п. 5. «Изучение межличностных отношений: механизмов и феноменов. Доверие как социально-психологический феномен. Конформность, внушаемость, сплоченность»; п. 12. «Изучение социального влияния. Регуляторы социального поведения: нормы и социальные роли, социальные установки, социальные представления, ценности. Социальное влияние в виртуальной среде и социальных сетях».

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в публикациях автора, обсуждались на заседаниях кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета, на XX заседании научного сетевого этносеминара (Москва, 2023), а также на 5-й Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» (Пенза, 2020), V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (Москва, 2020), международной научно-практической конференции «Евразийская психологическая наука и практика: междисциплинарные тенденции», посвященной 30-летию со дня открытия специальности «Психология» (Казахстан, Усть-Каменогорск, 2021), международной научно-методической конференции «Иннова 2022» (Казахстан, Костанай, 2022), 6-ой Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» (Пенза, 2022), VII международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (Москва, 2022), международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН (Москва, 2022), VIII международной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (Москва, 2023), X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение)» (Москва, 2023).

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка литературы и приложений. Основное содержание работы изложено на 192 страницах, общий объем работы – 212 страниц. В тексте диссертации содержится иллюстративный материал – 15 таблиц и 5 рисунков. Список литературы включает 266 наименований, из них 100 – на иностранном языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дано обоснование актуальности темы исследования, отражена степень её научной разработанности, обозначены цели и задачи, объект и предмет исследования, выдвинута гипотеза, определена научная новизна, раскрыты теоретико-методологические основы и методы исследования, теоретическая и практическая значимость, представлены положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Теоретический анализ изучения проблемы социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи», состоящей из 4 параграфов, рассматривается проблема исследования социально-психологических факторов эмиграционных установок, представлен теоретический анализ подходов к изучению социальной установки, на основе которого раскрыто психологическое содержание понятия «эмиграционная установка», определена система социально-психологических факторов установок молодежи к эмиграции.

В параграфе 1.1. *«Теоретические подходы к пониманию феномена «социальная установка» в отечественной и зарубежной психологии»* представлен всесторонний анализ различных взглядов зарубежных и отечественных авторов (А.А. Девяткин, 1999; Ш.А. Надирашвили, 1974, 1987; У. Томас, Ф. Знанецкий, 1994; П.Н. Шихирев, 1973, 1979, 1999; Н. Allport, 1972; W. Thomas, F. Znaniecki, 1927) на природу феномена «социальная установка», представляющую собой психологическое состояние готовности личности к определенному рода реакциям и действиям относительно некоторого социального объекта в заданных условиях и ситуациях. Социальная установка выполняет функции организации и ориентации поведения личности, в основе которых лежит эмоционально переживаемое и оценочное отношение к социальному объекту.

В параграфе 1.2. *«Психологическое содержание понятия «эмиграционная установка»»* представлены результаты исследования психологической природы эмиграционной установки, содержание которой раскрыто через анализ миграционной установки. Выделены *отличительные признаки эмиграционной установки*: 1) направленность ее на социальный объект (У. Томас, Ф. Знанецкий, 1994; W. Thomas, F. Znaniecki, 1927), представленный как система из актуального и потенциального мест жительства (С.А. Кузнецова, 2012); 2) интериоризация потенциальным эмигрантом установок и ожиданий близких и родных (С.А. Кузнецова, 2012, 2017), которая выражается: во-первых, в усвоении личностью установок ближнего значимого окружения и их ожиданий от потенциального мигранта, во-вторых, в представленности субъектом миграционных установок значимым окружением потенциального мигранта (семья, родственники или близкие друзья).

Параграф 1.3. *«Описание системы социально-психологических факторов эмиграционных установок личности»* посвящен рассмотрению социально-психологических факторов эмиграционных установок на трех уровнях взаимодействия личности с социумом в единой системе и разработке теоретической модели системы социально-психологических факторов эмиграционных установок.

Исходя из социально-психологической природы (А.А. Девяткин, 1999; Б.С. Алишев, 2010) эмиграционной установки, ее факторы рассмотрены на трех

уровнях представленности социального в личности, соответствующие трем сторонам действительности, с которыми связан человек: 1) явления природы или мир вещей (отношения уровня Я-среда), 2) люди и общественные явления (отношения типа я и другие), 3) сам субъект-личность (отношения типа я-иное) (Рисунок 1) (В.Н. Мясичев, 1995).

Рисунок 1. Категории действительности, с которыми человек связан отношениями

На трех уровнях представленности социального в личности выделены факторы эмиграционной установки (Рисунок 2):

Микроуровень отражает внутриличностные отношения, определяется отношениями к самому себе и представлен **субъективным благополучием**, отражающим субъективное отношение индивида к самому себе, собственной личности, жизни и деятельности, явлениям и процессам, обладающих немаловажным значением для индивида и оцениваемых как благополучные с точки зрения его представлений норм благополучия, сопровождающееся чувством удовлетворенности (Р.М. Шамянов, 2008, 2014, 2015, 2018).

Мезоуровень характеризуется взаимодействием личности с группой и отражает социальный характер повседневной жизни человека, необходимость индивида ориентироваться во многочисленных группах, которые его окружают и членом которых он является. Мезоуровень представлен **институциональным доверием и надеждой на помощь близких**.

Макроуровень отражает отношения, функционирующие в системе общественных отношений на макросоциальном уровне и представлен **ценностями**, обусловленными культурными особенностями общества. Особенности отношений данного уровня заданы социально-экономическими, политическими, культурными условиями развития общества.

Культура как продукт деятельности общества, отражающая способы деятельности индивидов, сформированные на основе их социальных взаимоотношений, выражается в ценностях, преобладающих в социуме (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, 2007). Ценности преломляются в социально-психологических факторах эмиграционной установки на всех уровнях взаимодействия личности со средой, система ценностей выступает ядром не только культуры, но и личности.

Приверженность человека к тем или иным ценностям определяет и степень его субъективного благополучия, и доверие институтам власти, и надежду на получение помощи от близких.

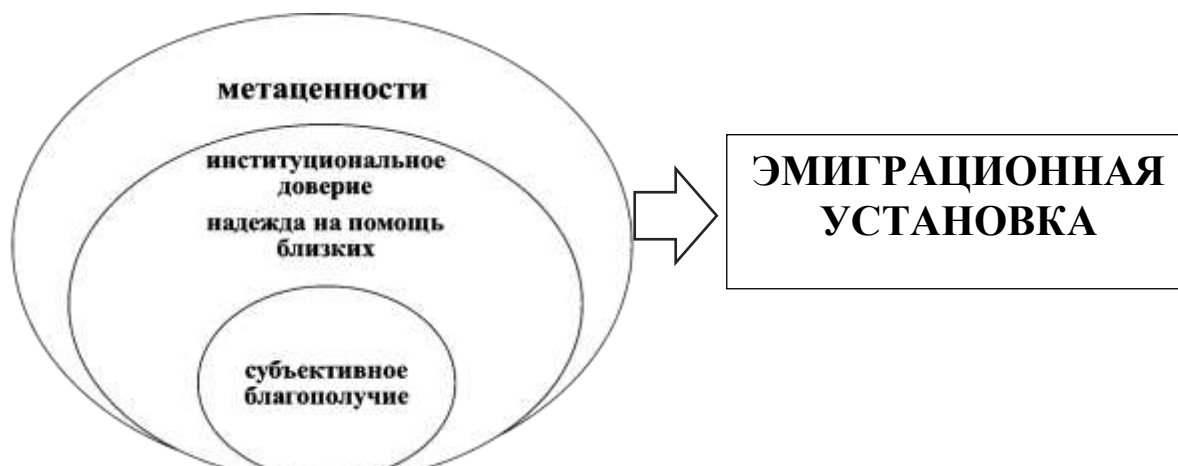

Рисунок 2. Система социально-психологических факторов эмиграционных установок

Система социально-психологических факторов эмиграционной установки представляет синтез субъективного благополучия, институционального доверия, надежды на помощь близких и ценностей, объединенных в единое целое и находящихся во взаимосвязи и взаимовлиянии.

В параграфе 1.4. *«Социально-психологическая характеристика молодежи как основной категории потенциальных эмигрантов»* дается обоснование выбора для исследования в качестве респондентов молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет. Выделены социально-психологические особенности, характеризующие демографическую группу молодежь: мобильность, гибкость и быстрая адаптивность к изменяющимся условиям в современном мире, стремление к самостоятельности и получению новых знаний и впечатлений, большее тяготение к индивидуалистическим ценностям по сравнению со старшим поколением (А.Д. Азербает и др., 2021; И.П. Рязанцев и др., 2021; Н.А. Ткачева 2016; В.А. Федотова 2017; M.V. Shimolina, et al. 2022).

В параграфе 1.5. *«Социокультурная обусловленность факторов эмиграционных установок молодежи»* приведена обоснованность выбора казахстанцев и россиян в качестве респондентов исследования, рассматриваются культурные, социально-психологические особенности казахстанского и российского обществ. Выделены общие и различные характеристики культурных измерений социума Казахстана и России.

Во второй главе *«Эмпирическое исследование факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи»* представлено описание методического инструментария эмпирического исследования, продемонстрированы и описаны результаты сравнительного анализа выраженности эмиграционных установок и их предикторов, сравнительного мультигруппового анализа системы социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

В параграфе 2.1. «*Описание методического инструментария и выборки исследования*» дана краткая характеристика используемых в исследовании методик, приведены коэффициенты α -Кронбаха, отражающие согласованность утверждений методик, описана выборка исследования.

Параграф 2.2. «*Сравнительный анализ эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи*» посвящен анализу средних показателей эмиграционных установок и его компонентов у казахстанской и российской молодежи (Таблица 1).

Таблица 1. Средние значения эмиграционной установки и ее компонентов (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)		Русские (N=396)		Уровень значимости	d Коэна
	M	SD	M	SD		
Установка субъекта	3,54	1,57	4,06	1,60	0,000	0,3
Установка близких	3,27	1,32	3,67	1,34	0,000	0,3
Ожидания близких	3,31	1,40	3,79	1,44	0,000	0,3
Эмиграционная установка	3,37	1,36	3,84	1,35	0,000	0,3

Установлено, что у российской молодежи по сравнению с казахстанской молодежью более выражены эмиграционная установка (3,84 против 3,37 балла, $p = 0,000$) и ее компоненты: установка субъекта (4,06 против 3,54 балла, $p = 0,000$), установка близких (3,67 против 3,27 балла, $p = 0,000$), ожидания близких (3,79 против 3,31 балла, $p = 0,000$).

В параграфе 2.3. «*Сравнительный анализ факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи*» описаны средние значения метаценностей, институционального доверия, выраженности надежды на помощь близких, уровня субъективного благополучия и их компонентов. В таблице 2 представлены результаты сравнения средних значений метаценностей и базовых ценностей молодежи Казахстана и России.

Таблица 2. Средние значения метаценностей и базовых ценностей казахов и русских (N = 760)

Переменные Ценности	Казахи (N=364)		Русские (N=396)		Уровень значимости	d Коэна
	M	SD	M	SD		
Открытость изменениям	4,06	1,36	4,32	1,01	0,002	0,20
Самостоятельность	4,16	1,46	4,48	1,16	0,001	0,20
Стимуляция	3,97	1,52	4,05	1,29	0,454	0,05
Гедонизм	4,05	1,52	4,43	1,21	0,000	0,30
Сохранение	3,87	1,20	3,89	0,95	0,755	0,02
Безопасность	4,18	1,48	4,75	1,19	0,000	0,40
Конформизм	3,53	1,36	3,31	1,24	0,020	0,20
Традиция	3,89	1,43	3,61	1,25	0,004	0,20
Самопреодоление	4,31	1,37	4,61	1,08	0,001	0,20
Благожелательность	4,41	1,47	4,57	1,17	0,102	0,10
Универсализм	4,22	1,45	4,65	1,16	0,000	0,30
Самоутверждение	3,66	1,34	4,26	1,08	0,000	0,50
Достижение	3,91	1,49	4,53	1,19	0,000	0,50
Власть	3,40	1,41	3,99	1,19	0,000	0,50

Обнаружено, что для российской молодежи по сравнению с казахстанской более значимы метаценности «Открытость изменениям» (4,32 против 4,06 балла, $p = 0,002$), «Самопреодоление» (4,61 против 4,31 балла, $p = 0,001$) и «Самоутверждение» (4,26 против 3,66 балла, $p = 0,000$). Различий в выраженности метаценности «Сохранение» (3,87 против 3,89 балла, $p = 0,755$) между казахстанцами и россиянами не выявлено.

Выраженность тех или иных метаценностей определяют базовые ценности, установлено, что казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью более привержена ценностям конформизма (3,53 против 3,31 балла, $p = 0,020$) и традиции (3,89 против 3,61 балла, $p = 0,004$) (метаценность «Сохранение»), отражающие групповые интересы. В то же время, российская молодежь в большей мере, чем казахстанская ориентируется на ценности самостоятельности (4,48 против 4,16 балла, $p = 0,001$), гедонизма (4,43 против 4,05 балла, $p = 0,000$) (метаценность «Открытость изменениям»), достижения (4,53 против 3,91 балла, $p = 0,000$), власти (3,99 против 3,40 балла, $p = 0,000$) (метаценность «Самоутверждение»), выражающие индивидуалистические интересы.

Кроме того, молодые россияне в большей степени, чем молодые казахстанцы, следуют ценностям безопасности (4,75 против 4,18 балла, $p = 0,000$) (метаценность «Сохранение») и универсализма (4,65 против 4,22 балла, $p = 0,000$) (метаценность «Самопреодоление»), отражающие как индивидуальные, так и групповые интересы.

В таблице 3 представлены результаты сравнительного анализа средних значений институционального доверия казахов и русских и его компонентов.

Таблица 3. Средние значения институционального доверия и его компонентов казахов и русских (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)		Русские (N=396)		Уровень значимости	d Коэна
	M	SD	M	SD		
Доверие президенту	3,42	1,44	2,42	1,42	0,000	0,7
Доверие правительству	3,20	1,43	2,33	1,28	0,000	0,6
Доверие акиму/губернатору	3,17	1,41	2,37	1,24	0,000	0,6
Доверие местным властям	3,17	1,45	2,39	1,24	0,000	0,6
Доверие полиции	3,26	1,41	2,47	1,26	0,000	0,6
Доверие правосудию	3,28	1,43	2,41	1,29	0,000	0,6
Интегративная шкала						
Институциональное доверие	3,25	1,32	2,40	1,16	0,000	0,7

Доказано, что казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью в большей мере доверяет институтам власти (3,25 против 2,40 балла, $p = 0,000$). В частности, доверие казахстанской молодежи властям определяется их более высоким уровнем доверия президенту (3,42 против 2,42 балла, $p = 0,000$), правительству (3,20 против 2,33 балла, $p = 0,000$), акиму/губернатору (3,17 против 2,37 балла, $p = 0,000$), местной власти (3,17 против 2,39 балла, $p = 0,000$), полиции (3,26 против 2,47 балла, $p = 0,000$), правосудию (3,28 против 2,41 балла, $p = 0,000$) по сравнению с уровнем доверия российской молодежи перечисленным институтам.

В таблице 4 представлены результаты исследования субъективного благополучия казахстанской и российской молодежи и его компонентов.

Таблица 4. Средние значения субъективного благополучия и его компонентов казахов и русских (N =760)

Переменные	Казахи (N=364)		Русские(N=396)		Уровень значимости	d Коэна
	M	SD	M	SD		
Эмоциональное благополучие	3,70	0,99	3,67	0,90	0,699	0,03
Экзистенциально-деятельностное	3,73	0,97	3,62	0,86	0,101	0,10
Эго-благополучие	3,67	0,10	3,41	0,90	0,000	0,30
Гедонистическое благополучие	3,30	1,00	2,91	1,00	0,000	0,40
Социально-нормативное благополучие	3,78	0,97	3,90	0,80	0,064	0,10
Интегративная шкала						
Субъективное благополучие	3,63	0,93	3,50	0,75	0,031	0,20

Установлено, что казахстанская молодежь по сравнению с российской молодежью в большей мере чувствует себя более благополучной (3,63 против 3,50 балла, $p = 0,031$), чувствует большую самосогласованность, удовлетворенность собой (эго-благополучие) (3,67 против 3,41 балла, $p = 0,000$), в большей мере удовлетворена условиями проживания и безопасностью места жительства (гедонистическое благополучие) (3,30 против 2,91 балла, $p = 0,000$). На уровне тенденции можно выделить большую конгруэнтность поступков и поведения с собственными нравственными ценностями и социальными нормами (социально-нормативное благополучие) российской молодежи по сравнению с казахстанской (3,90 против 3,78 балла, $p = 0,064$).

В таблице 5 отражены результаты сравнительного анализа средних показателей выраженности надежды молодых казахстанцев и россиян на получение помощи от близких на родине и за границей.

Таблица 5. Сравнение средних значений выраженности надежды на получение помощи от близких казахов и русских

Переменные	M	SD	M	SD	Уровень значимости	d Коэна
	Казахи (N=206)		Русские (N=224)			
Надежда на помощь близких за границей	3,38	1,9	3,13	1,88	0,075	0,2
Надежда на помощь близких на родине	3,98	1,33	4,09	1,22	0,222	0,1

Установлено, что надежда у молодых казахстанцев и россиян на получение помощи от близких, проживающих на родине (3,98 против 4,09 балла, $p = 0,222$), и за границей (3,38 против 3,13 балла, $p = 0,075$) выражена в одинаковой мере.

В параграфе 2.4. «*Эмпирическая проверка теоретической модели системы социально-психологических факторов миграционных установок казахстанской и российской молодежи*» описаны результаты мультигруппового моделирования структурными уравнениями, проведенного с контролем социально-демографических переменных.

Коэффициенты пригодности тестируемой модели соответствуют требуемым показателям (Таблица 6): $\chi^2 = 18,854$, $df = 10$, $CMIN/DF = 1,885$, $p = 0,042$,

CFI = 0,997, RMSEA = 0,034, PCLOSE = 0,854. Что указывает на соответствие эмпирической модели теоретической ($1 < \text{CMIN/DF} < 3$, $\text{CFI} > 0,90$, $\text{RMSEA} < 0,05$, $\text{PCLOSE} > 0,50$).

Таблица 6. Результаты мультигруппового моделирования структурными уравнениями

Группы	Инвариантность	CMIN/df	RMSEA	CFI	ΔCFI	PCLOSE
(казахи, русские)	Configural	1,885	0,034	0,997		0,854
	Metric	1,461	0,025	0,997	0,000	0,988
	Scalar	1,384	0,022	0,997	0,000	0,994

Используемые нами методики обладают измерительной инвариантностью (Таблица 6), подтверждающей, что методический инструментарий одинаково работает на обеих выборках. Значит сравнение связей метаценностей, институционального доверия, надежды на помощь близких, субъективного благополучия с эмиграционными установками казахстанской и российской молодежи обоснованно.

На рисунке 3 представлены результаты эмпирической проверки теоретической модели системы факторов эмиграционных установок молодежи.

Рисунок 3. Модель системы факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи (казахстанская молодежь / российская молодежь): «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,001$

Согласно результатам мультигруппового анализа (Рисунок 3), выявлено, что эмиграционные установки *казахстанской молодежи* детерминируют на макроуровне – снижение приверженности метаценности «Сохранение» ($\beta = -0,347^{***}$) и следование

метаценностям «Открытость изменениям» ($\beta = 0,240^{**}$) и «Самоутверждение» ($\beta = 0,173^{**}$); на мезоуровне – ослабление чувства доверия институтам власти ($\beta = -0,380^{***}$) и усиление выраженности надежды на получение помощи от близких, проживающих за границей ($\beta = 0,112^{***}$); на микроуровне – снижение ощущения субъективного благополучия ($\beta = -0,317^{***}$). Эмиграционную активность *российской молодежи* прогнозируют на макроуровне – приверженность метаценности «Самоутверждение» ($\beta = 0,150^{*}$); на мезоуровне – ослабление институционального доверия ($\beta = -0,454^{***}$) и снижение выраженности надежды на получение помощи от близких, проживающих на родине ($\beta = -0,102^{*}$), при одновременном повышении выраженности надежды на помощь близких за границей ($\beta = 0,113^{***}$); на микроуровне – снижение ощущения субъективного благополучия ($\beta = -0,223^{***}$).

Для исследования роли компонентов метаценностей, институционального доверия и субъективного благополучия в их связи с эмиграционными установками казахстанской и российской молодежи был проведен регрессионный анализ. В таблице 7 представлены результаты регрессионного анализа ценностей как факторов эмиграционных установок казахов и русских.

Таблица 7. Регрессионный анализ ценностей как факторов эмиграционных установок казахов и русских (N = 760)

Независимые переменные Ценности	Зависимая переменная – эмиграционная установка			
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	p	β	p
Безопасность	0,039	0,733	-0,041	0,590
Конформизм	-0,159	0,023	0,008	0,894
Традиция	-0,264	0,001	0,013	0,834
Благожелательность	-0,218	0,024	0,064	0,443
Универсализм	0,157	0,107	-0,037	0,665
Самостоятельность	0,040	0,680	0,072	0,335
Стимуляция	0,027	0,794	-0,038	0,551
Гедонизм	0,105	0,260	-0,082	0,268
Достижение	0,129	0,144	-0,078	0,330
Власть	0,164	0,029	0,110	0,123
R ²	0,146		0,017	

По результатам представленного исследования обнаружена предикция эмиграционных установок казахстанской молодежи снижением важности ценностей конформизма ($\beta = -0,159^{*}$, $R^2 = 0,146$) и традиции ($\beta = -0,264^{**}$, $R^2 = 0,146$), составляющие метаценность «Сохранение», благожелательности ($\beta = -0,218^{*}$, $R^2 = 0,146$), входящей в метаценность «Самопреодоление». Кроме того, установки на переезд за границу казахстанской молодежи детерминированы следованием ценности власти ($\beta = 0,164^{*}$, $R^2 = 0,146$), входящей в метаценность «Самоутверждение». В российской выборке связей базовых ценностей с эмиграционными установками молодых людей не обнаружено.

В таблице 8 отражены результаты регрессионного анализа компонентов институционального доверия как факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи.

Таблица 8. Регрессионный анализ компонентов институционального доверия как факторов эмиграционных установок казахов и русских (N = 760)

Независимые переменные Компоненты институционального доверия	Зависимая переменная – эмиграционная установка			
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	p	β	p
Доверие президенту	-0,225	0,020	-0,324	0,001
Доверие правительству	-0,029	0,812	0,045	0,661
Доверие акиму/губернатору	-0,256	0,020	0,099	0,382
Доверие местным властям	0,137	0,249	-0,228	0,021
Доверие полиции	0,027	0,810	-0,110	0,221
Доверие правосудию	-0,229	0,065	-0,029	0,751
R ²	0,294		0,246	

Обнаружено, что недоверие президенту страны стимулирует к эмиграции и казахстанцев ($\beta = -0,225^*$, $R^2 = 0,294$), и россиян ($\beta = -0,324^{**}$, $R^2 = 0,246$). Помимо этого, возникновению устремлений к смене страны проживания способствуют у казахстанской молодежи недоверие акиму ($\beta = -0,256^*$, $R^2 = 0,294$), а у российской молодежи – недоверие представителям местной власти ($\beta = -0,228^*$, $R^2 = 0,246$).

Исследование компонентов субъективного благополучия как факторов эмиграционных установок казахской и русской молодежи представлено в таблице 9.

Таблица 9. Регрессионный анализ компонентов субъективного благополучия как факторов эмиграционных установок казахов и русских (N = 760)

Независимые переменные Компоненты субъективного благополучия	Зависимая переменная Эмиграционная установка			
	Казахи (N=364)		Русские (N=396)	
	β	p	β	p
Эмоциональное благополучие	-0,388	0,009	-0,208	0,041
Экзистенциально-деятельностное благополучие	0,336	0,035	0,074	0,474
Эго-благополучие	0,014	0,902	0,272	0,001
Гедонистическое благополучие	-0,546	0,000	-0,417	0,000
Социально-нормативное благополучие	0,187	0,116	-0,106	0,148
R ²	0,220		0,191	

Связь субъективного благополучия с эмиграционными установками молодых казахстанцев и россиян определена его компонентами. В частности, у казахстанской и российской молодежи снижение ощущения эмоционального ($\beta = -0,388^{**}$, $R^2 = 0,220$ и $\beta = -0,208^*$, $R^2 = 0,191$) и гедонистического ($\beta = -0,546^{***}$, $R^2 = 0,220$ и $\beta = -0,417^{***}$, $R^2 = 0,191$) благополучия наряду с повышением у казахстанцев экзистенциально-деятельностного благополучия ($\beta = 0,336^*$, $R^2 = 0,220$) и у россиян эго-благополучия ($\beta = 0,272^{**}$, $R^2 = 0,191$) приводят к усилению выраженности их эмиграционных установок.

Параграф 2.5. *«Интерпретация результатов эмпирического исследования факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи»* посвящен обсуждению результатов мультигруппового моделирования структурными уравнениями.

Установлено, что сменить страну проживания стремится казахстанская и российская молодежь, которая ориентирована на достижение личного успеха и авторитета, финансового благополучия, выражает надежду на получение помощи от родных, проживающих за границей.

При этом такая молодежь не удовлетворена условиями проживания, ощущением безопасности в родной стране, кроме того, не доверяет президенту своего государства и как следствие чувствует снижение эмоционального воодушевления. Подобная движущая сила эмиграционных устремлений молодежи Казахстана и России, должно быть, обусловлена ухудшением условий жизни, подрывом ощущения личной безопасности, связанные с ограничительными мерами, действовавшими во время пандемии.

В то же время выявлены особенности, отличающие эмиграционную мотивацию казахстанской от российской молодежи. Казахстанская молодежь, планирующая сменить страну проживания, стремится к ценностям Открытости изменениям и отрицает ценности Сохранения, противоречащие коллективистским ценностям (конформизм и традиция), которые преобладают в казахстанском обществе. Подобный ценностный аспект не срабатывает в ситуации планирования эмиграции российской молодежью, так как их ценности согласуются с преобладающими в обществе индивидуальными (самостоятельность, гедонизм, достижение, власть) и индивидуально-групповыми (безопасность, универсализм) ценностями.

Помимо этого, устремления эмигрировать казахстанской молодежи подкрепляет ощущение удовлетворенности результатами прилагаемых ими усилий для достижения личного благополучия и событийно-смысловой насыщенностью жизни, а установки на переезд за рубеж российской молодежи поддерживают уверенность в себе, самосогласованность собственной личности.

Метаценность «Самопреодоление» не детерминирует эмиграционные установки казахстанской и российской молодежи, вероятно, потому что, включает в себя «универсальные» ценности, которые можно реализовать, находясь и за границей, и на родине, в обществе с преобладающими как индивидуалистическими, так и коллективистическими ценностями.

На основании проведенного теоретического и эмпирического исследования были сделаны следующие **выводы**:

1. Теоретическая модель системы социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи нашла свое эмпирическое подтверждение. Действие социально-психологических факторов эмиграционных установок молодых людей проанализировано в единой целостной системе, что дает полное и глубокое понимание мотивации молодежи к эмиграционной активности. Факторы эмиграционной установки, с учетом ее социально-психологической природы, рассматриваются на трех уровнях взаимодействия личности с социумом: на макроуровне, отражающем взаимоотношения индивида с обществом, факторами эмиграционных установок выделены метаценности, обусловленные культурными характеристиками социума. На мезоуровне, отражающем взаимоотношения личности с группой, факторы эмиграционных установок представлены институциональным доверием и надеждой на помощь близких на родине и за

границей. На микроуровне, определяющем отношение к самому себе, фактором эмиграционных установок выступает субъективное благополучие. Разноуровневые факторы имеют и внутренние связи между собой.

2. Эмпирически подтверждена состоятельность теоретической модели системы социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи, включающей на макроуровне – метаценности «Открытость изменениям», «Сохранение», «Самоутверждение», «Самопреодоление»; на мезоуровне – институциональное доверие и надежду на получение помощи от близких; на микроуровне – субъективное благополучие.

3. Эмпирически доказано, что разноуровневая система социально-психологических факторов эмиграционных установок универсальна и применима при прогнозировании возникновения эмиграционных установок молодых людей разных этнических групп.

4. Выделены универсальные надкультурные связи социально-психологических факторов с эмиграционными установками казахстанской и российской молодежи. Выраженность эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи детерминирована на макроуровне следованием метаценности «Самоутверждение», на мезоуровне снижением институционального доверия, в частности, недоверием президенту и выраженностью надежды на получение помощи от близких за границей, на микроуровне снижением ощущения субъективного благополучия, а конкретнее, ослаблением ощущения гедонистического и эмоционального благополучия. Подобное сочетание социально-психологических факторов будет стимулировать к эмиграции молодых людей вне зависимости от их этнической принадлежности и ценностей, преобладающих в обществе, в котором они социализировались. Действие приведенных выше факторов, вероятно, будет усиливаться с ухудшением условий жизни, социально-экономической ситуации в стране проживания, подрывом ощущения безопасности.

5. Установлены особенности сочетания предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи:

а) эмиграционные установки казахстанской молодежи детерминируют на макроуровне отношений личности с социумом – следование метаценностям «Открытость изменениям» и «Самоутверждение», в частности ориентация на ценность власти, снижение важности метаценности «Сохранение», а точнее ослабление значимости ценностей конформизма и традиции; на мезоуровне – недоверие институтам власти, в частности, акиму и президенту, а также выраженность чувства надежды на получение помощи от близких, проживающих за границей; на микроуровне – субъективное благополучие, а именно, снижение ощущения гедонистического и эмоционального благополучия и повышение ощущения экзистенциально-деятельностного благополучия;

б) эмиграционные установки российской молодежи детерминируют на макроуровне отношений личности с социумом – направленность на метаценность «Самоутверждение»; на мезоуровне – недоверие институтам власти, в частности, местной власти и президенту, а также выраженность чувства надежды на получение помощи от близких; на микроуровне – субъективное благополучие, в частности,

снижение ощущения гедонистического и эмоционального благополучия и повышение ощущения эго-благополучия.

6. Особенности сочетания предикторов в системе социально-психологических факторов эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи определяются специфичными связями отдельных факторов и их компонентов с установками на эмиграцию молодых казахстанцев и россиян. Ориентация на метаценность «Открытость изменениям» и снижение важности метаценности «Сохранение», в частности ослабление значимости ценностей конформизма и традиции, усиливают выраженность эмиграционных установок только казахстанской молодежи, а эффекта на эмиграционные установки российской молодежи данные детерминанты не оказывают. Выраженность надежды на получение помощи от близких, находящихся на родине, выступает фактором эмиграционных установок только российской молодежи, а при прогнозировании эмиграции казахстанской молодежи данный предиктор не значим. Выраженность эмиграционных установок казахстанской молодежи повышается по мере усиления их ощущения экзистенциально-деятельностного благополучия, а российской молодежи – по мере усиления их ощущения эго-благополучия. Снижение эмиграционных установок казахстанской молодежи детерминирует падение доверия акиму, а российской молодежи – падение доверия местной власти. Особенности действия определенных факторов в системе социально-психологических детерминант на развитие эмиграционных установок казахстанской и российской молодежи обусловлены большей направленностью казахстанцев на ценности, отражающие лишь групповые интересы (конформизм и традиция), а россиян – преимущественно на ценности, отражающие индивидуальные (самостоятельность, гедонизм, достижение, власть) и индивидуально-групповые интересы (безопасность, универсализм).

В **заключении** диссертационной работы подведены итоги проведенного теоретического и эмпирического анализа социально-психологических факторов эмиграционных установок молодежи. Выделены ограничения и определены перспективы дальнейшего исследования.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные материалы диссертационного исследования отражены в 14 публикациях общим объемом доли участия автора 5,91 п.л.

Научные статьи, опубликованные в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1) научные журналы первой (К1) и второй (К2) категорий

1. Ромашева, Ж. Ж. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи / Ж. Ж. Ромашева, О. В. Калиниченко, И. В. Малышев //

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Акмеология образования. Психология развития. – 2021. – Т. 10, № 4 (40). – С. 323–333. – DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-4-323-333 – Текст : электронный (0,63 п.л.). – Доля участия автора 0,21 п.л. (33 % п.л.)

2. Ромашева, Ж. Ж. Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей / Ж. Ж. Ромашева // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 703–730. – DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-3-703-730 – Текст : электронный (1,69 п.л.)

3. Ромашева, Ж. Ж. Институциональное доверие как медиатор связи метаценностей с эмиграционной установкой российской молодежи / Ж. Ж. Ромашева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 64–69. – DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-1-64-69 – Текст : электронный (0,31 п.л.)

4. Ромашева, Ж. Ж. Связь личностных черт с эмиграционными установками молодёжи / Ж. Ж. Ромашева // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 4. – С. 1–16. – DOI: 10.18384/2224-0209-2024-4-1515 – Текст : электронный (1 п.л.)

II) научные журналы третьей (К3) категории

5. Ромашева, Ж. Ж. Связь надежды на оказание помощи близкими людьми с эмиграционными установками молодежи / Ж. Ж. Ромашева // Человеческий капитал. – 2022. – Т. 1. – № 12 (168). – С. 328–336. – DOI: 10.25629/НС.2022.12.36. – Текст : электронный (0,5 п.л.)

Научные статьи, тезисы докладов и сообщений, опубликованные на международных конференциях

6. Ромашева, Ж. Ж. Роль социальных связей в формировании эмиграционных намерений / Ж. Ж. Ромашева // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире; отв. ред. В. В. Константинов [Электронный ресурс]. – Пенза, 2020. – С. 196–201. – Текст : электронный (0,31 п.л.)

7. Ромашева, Ж. Ж. Сравнительный анализ культурных ценностей России и Казахстана / Ж. Ж. Ромашева // Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. – С. 470–473. – Текст : электронный (0,19 п.л.)

8. Ромашева, Ж. Ж. Особенности субъективного благополучия казахской и русской молодежи в условиях пандемии / Ж. Ж. Ромашева // Евразийская психологическая наука и практика: междисциплинарные тенденции / Отв. ред. Е. И. Барабанова [Электронный ресурс]. – Усть-Каменогорск : изд. «Берел», 2021. – С. 49–56. – Текст : электронный (0,31 п.л.)

9. Ромашева, Ж. Ж. Эмиграционные установки молодежи Казахстана и России / Ж. Ж. Ромашева // «Иннова 2022»; отв. ред. Е. М. Исакаев, Г. С. Исмаилова, С. Н. Айткужинова [Электронный ресурс]. – Костанай, 2022. – С. 225–228. – Текст : электронный (0,19 п.л.)

10. Ромашева, Ж. Ж. Степень выраженности надежды на получение помощи от близких казахской и русской молодежи в контексте эмиграции / Ж. Ж. Ромашева // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире; отв. ред. В. В. Константинов. [Электронный ресурс]. – Пенза, 2022. – С. 233–240. – Текст : электронный (0,44 п.л.)

11. Ромашева, Ж. Ж. Институциональное доверие казахской и русской молодежи / Ж. Ж. Ромашева // Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – С. 379–382. – Текст : электронный (0,19 п.л.)

12. Ромашева, Ж. Ж. Связь субъективного благополучия с эмиграционными установками российской молодежи / Ж. Ж. Ромашева // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук; отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. [Электронный ресурс]. – Москва : изд. «ИПРАН», 2022. – С. 377–379. – Текст : электронный (0,13 п.л.)

13. Ромашева, Ж. Ж. Ценности казахстанской и российской молодежи в условиях пандемии / Ж. Ж. Ромашева // Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – С. 700–703. – Текст : электронный (0,19 п.л.)

14. Ромашева, Ж. Ж. Связь эмиграционных установок с ценностями российской молодежи из больших и малых городов / Ж. Ж. Ромашева // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение); отв. ред. Б. Б. Айсмонтас, Л. А. Александрова, В. В. Барцалкина, Е. В. Гурова. [Электронный ресурс]. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – С. 386–390. – Текст : электронный (0,25 п.л.)

Ромашева Жанагуль Жумабековна

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ЭМИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК КАЗАХСТАНСКОЙ И
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология
(психологические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А, стр. 1
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60
<http://www.sputnikplus.ru>
Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 243.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»